

- Гул-гул...

Кадык Цзюнь Яньсина едва заметно дернулся, а взгляд в одно мгновение потемнел, наполнившись сгущающимся желанием. Большая ладонь, до этого лишь ласково гладившая макушку Тан Чжо, внезапно переместилась ниже, и он крепко обхватил затылок юноши, притягивая к себе.

Его корпус тоже подался вперед, сокращая последние сантиметры расстояния. Лишь когда кончики носов почти соприкоснулись, а выдыхаемый воздух смешался в едином ритме, Цзюнь Яньсин внезапно пришел в себя. Осознав, что именно он делает или, вернее, чего отчаянно хочет в этот миг, он замер, словно окаменев.

От кончика носа повеяло легкой, освежающей прохладой, которая резко и болезненно контрастировала с обжигающим, тяжелым дыханием. Тан Чжо по-прежнему спал – тихо, безмятежно и совершенно неосознанно.

Цзюнь Яньсин глубоко, до самого дна легких, вдохнул густой, обволакивающий сладкий аромат персика. В конце концов, с трудом сдерживая бушующие внутри инстинкты, он разжал пальцы и медленно отстранился от этого почти невыносимого искушения.

Он сел на кровати, опустил взгляд на явное возбуждение и, невольно выругавшись про себя, с силой протер лицо ладонью.

«Просто молодость и горячая кровь», – попытался убедить он себя. Он не мог опуститься до того, чтобы пользоваться чужой беспомощностью и сном ради таких постыдных, низменных вещей.

Цзюнь Яньсин решительно прыгнул с кровати, выключил свет и кондиционер, после чего стремительно направился в ванную. Когда он вышел оттуда, то уже окончательно пришел в норму; лишь редкие капли воды, медленно стекающие с волос на плечи, смутно намекали на то, что именно он делал с собой, чтобы остыть.

Он посмотрел на Тан Чжо, который всё еще крепко спал, и уже собирался покинуть комнату, но на полпути внезапно остановился. Цзюнь Яньсин нахмурился, в его глазах промелькнуло

сомнение. Поколебавшись мгновение, он развернулся, подошел к шкафу, достал из сумки небольшой высокотехнологичный прибор и начал методично обходить комнату.

Никаких скрытых камер, никаких странных жучков или посторонних предметов. Только тогда Цзюнь Яньсин убрал прибор, и нахмуренные брови наконец расслабились. Он был патологически подозрителен – эта черта стала привычкой, выработанной годами жестокой жизни в семье Цзюнь. Он не считал это чем-то плохим, ведь такая бдительность уже не раз помогала избежать серьезных рисков и предательств.

Проходя мимо окна, он машинально плотнее задернул тяжелые шторы, желая полностью скрыть пробивающийся снаружи утренний свет, но вдруг раздался легкий стук – он случайно задел блокнот, лежавший на подоконнике. Цзюнь Яньсин наклонился, чтобы поднять его, и невольно бросил взгляд на открытую страницу.

«Счет... итого: 205.13»

«(T∇T)»

Округлый, почти детский почерк в сочетании с забавным плачущим смайликом в конце сразу выдавали руку Тан Чжо. Цзюнь Яньсин слегка приподнял бровь, в его взгляде промелькнуло нечто похожее на иронию. Он оглянулся на спящую фигуру на кровати, и взгляд едва заметно дрогнул, смягчившись. В конце концов, он аккуратно закрыл блокнот, положил его обратно на столик у окна и бесшумно вышел из комнаты.

Тан Чжо вчера лег спать слишком поздно, поэтому сегодня изрядно проспал и проснулся гораздо позже обычного. Когда он в полудреме, протирая глаза, открыл их, на часах было уже за восемь утра. Сразу после пробуждения он чувствовал себя немного дезориентированным, пытаясь вспомнить, где находится.

Лишь когда он, всё еще пребывая в сонном тумане, медленно зашел в ванную и увидел на раковине чужие туалетные принадлежности, Тан Чжо окончательно пришел в себя. Вчера вечером он поменялся комнатами с Цзюнь Яньсином!

Он замер на мгновение, быстро достал телефон, чтобы проверить сообщения, и осознал, что вчерашний поход во вторую спальню для массажа Цзюнь Яньсина вовсе не был сном. А вот как именно он в итоге уснул, совершенно не помнил.

Тан Чжо задумчиво почесал затылок и вышел из спальни. Было уже больше восьми, и в доме стояла звенящая тишина. «Неужели Цзюнь Яньсин уже ушел?» – пронеслось в его голове.

Вернувшись в свою комнату, чтобы окончательно умыться, он заметил доставленную еду, аккуратно расставленную на обеденном столе. «Это от Цзюнь Яньсина?»

В гостиной и на кухне никого не было. Тан Чжо с любопытством подошел ближе и увидел маленькую записку, приклеенную к пакету.

[Можно есть]

Три иероглифа, написанные черной гелевой ручкой, выглядели как бегущие облака и текущая вода – мощно, уверенно и изящно. Это был совсем другой стиль, нежели у него самого. Тан Чжо с первого взгляда влюбился в этот почерк.

«Как же красиво написано! Как кто-то может писать настолько хорошо! Это действительно написал Цзюнь Яньсин? Как он...»

Поняв истинный смысл записки, он невольно замер. Значит, этот завтрак был специально приготовлен и оставлен для него? Тан Чжо осторожно коснулся упаковки и даже сквозь плотный пластик почувствовал тепло. Оно согревало пальцы, и это тепло, казалось, проникало прямо в самое сердце.

«Так Цзюнь Яньсин всё еще дома?»

Тан Чжо, внезапно что-то вспомнив, поспешно убрал записку и, волоча тяжелую, травмированную ногу, медленно подошел к двери кабинета. Дверь была плотно закрыта. Если Цзюнь Яньсин не ушел, значит, он определенно должен быть внутри.

Тан Чжо приложил ухо к дверному полотну, но, то ли звукоизоляция была слишком качественной, то ли внутри царил абсолютная тишина, никаких звуков он не услышал. Стоит ли постучать? Вчерашний стук в дверь закончился тем, что на него накричали, и это оставило глубокий психологический след, но просто войти без предупреждения тоже было крайне неуместно.

В конце концов, Тан Чжо набрался смелости и осторожно постучал.

– Тук-тук-тук...

Раздался четкий, робкий стук. Тан Чжо затаил дыхание, внимательно прислушиваясь к звукам из кабинета, как вдруг услышал:

– Дверь не заперта.

Голос из-за двери был тихим и звучал подчеркнуто холодно, отстраненно, но для ушей Тан Чжо он прозвучал как самая прекрасная небесная музыка. Его глаза мгновенно загорелись, правой рукой он уверенно взялся за дверную ручку и слегка толкнул ее вперед. Дверь послушно и бесшумно отворилась.

Казалось бы, такой обычный, бытовой момент, но Тан Чжо отчетливо слышал, как бешено заколотилось сердце, а всю душу наполнила невыразимая, искренняя радость. Когда дверь открылась, перед ним предстала картина внутри. Мягкий утренний свет лился из окна, заливая кабинет ярким, золотистым сиянием.

Цзюнь Яньсин сидел за массивным рабочим столом, сосредоточенно уставившись в экран компьютера. Полностью погруженный в работу, он выглядел невероятно серьезным, излучая такую холодную отстраненность, что к нему физически не хотелось приближаться.

Тан Чжо остановился, на мгновение замявшись в дверях. Видимо, он слишком долго простоял неподвижно, так как Цзюнь Яньсин наконец оторвался от экрана и посмотрел на него с немым вопросом в глазах. Тан Чжо лишь на секунду опешил, но быстро пришел в себя.

– Доброе утро! – он лучезарно улыбнулся и поздоровался. Его энергичный, живой голос мгновенно оживил тихий и холодный кабинет.

Цзюнь Яньсин смотрел на него, задержав взгляд на этой искренней и жизнерадостной улыбке на несколько секунд, после чего медленно отвел глаза и снова уставился в документ на мониторе.

- Что-то случилось? – сухо, почти официально спросил он.

- Я увидел завтрак на столе, – Тан Чжо радостно засиял. – Это ты купил для меня?

Не дожидаясь ответа, он с восторгом продолжил:

- Спасибо тебе огромное, я был так приятно удивлен, когда увидел его!

Он щебетал, словно маленькая птичка, искренне выражая восторг. Всего лишь завтрак – Цзюнь Яньсин не видел в этом ничего особенного и совершенно не понимал, почему Тан Чжо так бурно радуется такой мелочи.

В этот момент, заметив на столе еще не распакованную еду, Тан Чжо добавил:

- Ты еще не ел? Давай тогда поедим вместе!

Цзюнь Яньсин хотел было отказаться, но, подняв голову, увидел, что Тан Чжо уже исчез из дверного проема. Он приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но в итоге так и промолчал.

Вскоре Тан Чжо вернулся, неся в руках завтрак. Он притащил стул, сел с самого края рабочего стола и с энтузиазмом начал распаковывать еду.

- Здорово! Это же горячее молоко!

Тан Чжо сделал большой глоток из стакана. Чистое молоко идеальной температуры с добавлением сахара было сладким и приятным на вкус, мгновенно даря прекрасное настроение на весь предстоящий день. Помимо молока, в заказе были сэндвич и аппетитный круассан.

У Цзюнь Яньсина было примерно то же самое, за исключением напитка – крепкий черный кофе, который он уже успел выпить наполовину. Тан Чжо не любил кофе, но искренне уважал предпочтения Цзюнь Яньсина, однако он никак не ожидал, что тот предусмотрительно предложит другой вариант.

- Цзюнь Яньсин, откуда ты узнал, что я больше люблю молоко?

Он ел, забавно раздув щеки, а его улыбающиеся глаза превратились в два узких полумесяца. В этот момент он был похож на очаровательного, упитанного хомячка, и так и хотелось невольно потрепать его по пушистой голове.

Цзюнь Яньсин смотрел на него, но не ответил на вопрос, а просто взял свою порцию завтрака и действительно начал есть вместе с ним.

- Ты очень любишь кофе?

- ...

- Ты добавляешь в него сахар?

- ...

- Разве черный кофе не слишком горький? Это как с шоколадом – если у него слишком высокая чистота, я его тоже совсем не люблю.

У Тан Чжо, казалось, была врожденная способность: пока он рядом, неловкое молчание становилось просто невозможным. Даже если Цзюнь Яньсин упорно не отвечал, юноша в одиночку мог развить бесконечное количество тем.

- А сэндвичи ты любишь?

- ...Нормально, – наконец коротко бросил тот.

Столкнувшись с такой обезоруживающей настойчивостью Тан Чжо, Цзюнь Яньсин в конце концов не смог полностью игнорировать его присутствие. Его лишь искренне удивляло: почему Тан Чжо так спокоен? Даже самый искусный притворщик, начав действовать, рано или поздно покажет свои «лисьи уши» и раскроет истинные намерения.

Только он об этом подумал, как снова услышал звонкий голос Тан Чжо:

– Кстати, твоя головная боль прошла?

Цзюнь Яньсин на мгновение замер и невозмутимо ответил:

– М-м.

– Вот и хорошо! – Тан Чжо сделал еще один глоток молока и продолжил: – Но я всё же думаю, что тебе стоит сходить к врачу.

Цзюнь Яньсин не стал спорить, лишь сухо заметил:

– Твой массаж оказался довольно эффективным.

– Правда? – Тан Чжо тихо хихикнул. – Тогда сегодня вечером я снова сделаю тебе массаж.

«Наконец-то переходит к сути?»

Цзюнь Яньсин пристально посмотрел на него, ожидая, когда тот назовет цену или выдвинет свои условия. Однако, сказав это, Тан Чжо просто продолжил завтракать, совершенно не выказывая никакой спешки в обсуждении оплаты. Цзюнь Яньсин нахмурился, совершенно не понимая тактики Тан Чжо.

К тому времени, как завтрак был закончен, Тан Чжо аккуратно убрал весь мусор и вышел из кабинета с пакетом в руках, так и не затронув больше эту тему. Цзюнь Яньсин почувствовал легкое разочарование, но не спешил. Он давно знал, что терпение – это самое важное качество, особенно в сложных переговорах.

Позавтракав, Тан Чжо с энтузиазмом принялся за уборку. Только он закончил мыть пол, как увидел, что Цзюнь Яньсин выходит из кабинета с кожаным портфелем в руках и направляется напрямик к выходу. Тан Чжо немного подумал и, прихрамывая, поспешил следом.

В прихожей Цзюнь Яньсин достал из обувного шкафа туфли и собирался переобуться.

- Ты уходишь? - спросил Тан Чжо, с надеждой глядя на него.

- М-м, - коротко ответил Цзюнь Яньсин, продолжая менять обувь, как вдруг услышал нерешительный, чуть дрожащий голос Тан Чжо:

- Эм... Цзюнь Яньсин, можешь пообещать мне одну вещь?

Цзюнь Яньсин на секунду замер, затем невозмутимо довел дело до конца и выпрямился.

- Слушаю, - он посмотрел на Тан Чжо, и его взгляд был пронзительным, изучающим.

Однако следующие слова Тан Чжо снова оказались совершенно неожиданными для Цзюнь Яньсина. Юноша с надеждой смотрел на него, и из его уст прозвучало:

- В будущем, если я буду дома... когда ты уходишь, можешь говорить мне об этом?

Цзюнь Яньсин сначала опешил, а затем его брови плотно сошлись на переносице.

- Зачем? - вопрос вырвался почти произвольно, тон был резковат и холоден.

Воспоминания, которые он так старательно не хотел ворошить, снова нахлынули на него с пугающей силой. Цзюнь Яньсин думал, что давно забыл их, но, вспомнив, понял, что они всё еще так же отчетливы и болезненны.

«Как ты вообще стал старшим братом?»

«Старшие сидят здесь, а ты даже не удосужился предупредить о своем уходе? Это и есть твое воспитание?»

«Все-таки ребенок без матери... пусть твоя мачеха как следует тебя научит. Если не можешь усвоить такие элементарные правила приличия, то и не выходи из дома, не позорь мою семью Цзюнь».

В юности он просто забыл попрощаться, уходя из дома, за что Цзюнь Хуа вызвал его обратно и жестоко унизил перед всеми братьями, сестрами и его женщинами...

Рука Цзюнь Яньсина, сжатая в кулак, побелела, а в черных глазах бушевали ярость и ледяной холод. Тан Чжо, стоявший перед ним, мгновенно почувствовал эту резкую перемену в состоянии Цзюнь Яньсина. Но он не отступил.

Тан Чжо сделал смелый шаг вперед, поднял голову и посмотрел прямо в глаза Цзюнь Яньсина. Его голос был мягким, нежным и обволакивающим:

- Потому что, если ты будешь так делать, я буду очень счастлив.

Он слегка сощурил глаза, и весь его облик, казалось, был озарен внутренним солнцем, излучая тепло, способное развеять любой, даже самый глубокий холод. Цзюнь Яньсин смотрел на него, и буря в его глазах на мгновение затихла.

- Просто говори, когда вспомнишь, не нужно давить на себя, - мягко произнес Тан Чжо.

Для него самого это было само собой разумеющимся, но, судя по поведению Цзюнь Яньсина и обрывочным воспоминаниям оригинального владельца тела, у них такой привычки никогда не было. Поэтому он не мог заставлять Цзюнь Яньсина насильно подстраиваться под него.

- Просто иногда радуй меня, хорошо? - Тан Чжо смотрел на Цзюнь Яньсина сияющими глазами и широко, искренне улыбался.

Цзюнь Яньсин понял, что ему очень трудно отказать Тан Чжо. Потому что до сих пор каждая его просьба была чем-то, что он мог легко выполнить, и согласие, казалось, не несло для него никаких потерь.

«Это его ловушка?»

Цзюнь Яньсин не хотел подозревать, но привычка, выработанная с самого детства, не позволяла ему доверять кому-либо безоговорочно. Он вглядывался в лицо Тан Чжо, но не мог увидеть в его ясных, чистых глазах ничего, кроме абсолютной искренности.

Цзюнь Яньсин не ответил и резко развернулся, словно спасаясь бегством от этого тепла. Однако, когда его рука легла на дверную ручку, он не удержался и оглянулся. Даже будучи

проигнорированным, Тан Чжо не ушел, а продолжал упрямо стоять на месте и смотреть на него, хотя радостная улыбка в его глазах немного потускнела.

- Я ухожу.

Когда Цзюнь Яньсин осознал это, он понял, что произнес эти слова вслух. Он нахмурился, но увидел, как на лице Тан Чжо внезапно снова расцвела радостная улыбка, и тот, словно щенок, наконец получивший долгожданный отклик, восторженно подался вперед.

- Хорошо! А когда ты примерно вернешься?

- ...Вечером.

- Так надолго уходишь!

- М-м, есть дела...

Поняв, что начинает оправдываться, Цзюнь Яньсин резко замолчал. Он не был обязан отчитываться перед Тан Чжо о своих планах на день. В итоге он услышал, как Тан Чжо с легким разочарованием в голосе произнес:

- Значит, я сегодня весь день тебя не увижу?

- ...